

Рената фон Майдель
Теофания в тишине

В стихотворении Гумилева «Одиссей у Лаэрта» (1909) видят вольную вариацию на тему 24-й песни «Одиссеи». Некоторые исследователи находят также, что Одиссей уподоблен библейскому блудному сыну и/или Адаму, который возвращается в Эдем¹, но, поскольку самоочевидными эти параллели не назовешь, а аргументацией они не оснащены, разбирать их мы не станем. Более обоснованным представляется сопоставление гумилевских строк:

Я верю — боги в тишине,
А не в смятенье и не в буре

с лермонтовским «Парусом»², а именно с финалом:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Сходство этих мест и впрямь значительно — как на уровне словаря: синонимия (*покой / тишина*), совпадение корневое (*мятежный / смятенье*), совпадение полное (*буря*), так и на уровне риторики: у Лермонтова *мятежное* и *буря* противопоставлены *покою*, у Гумилева *смятенье* и *буря* — *тишине*. Одна-

© Renata von Maydell, 2013.

© TSQ № 45. Summer 2013.

¹ См.: Зорина Т. С. Поэт Николай Гумилев — читатель Гомера // Николай Гумилев: Электрон. собр. соч.: <http://www.gumilev.ru/about/31>; Четваев А. А. Триптих Н. Гумилева «Возвращение Одиссея»: Эпический герой в лирическом нарративе // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2009. Вып. 3. С. 81.

² См.: Дякина А. А. Духовное наследие М. Ю. Лермонтова и поэзия Серебряного века: Монография. М., 2001. С. 205.

ко источник у Гумилева другой — сюжет о явлении Бога пророку Илии (3 Цар. 19: 11—12; входит в чтение на день пророка Илии и на Преображение):

... и се, мимо пойдет Господь, и дух велик и крепок разоря горы и сокрушая камень в горе пред Господем, (но) не в душе Господь; и по душе трус, и не в трусе Господь; и по трусе огонь, и не во огни Господь; и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь.

Синодальный перевод:

... и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь].

В церковнославянском переводе нет ни одного из слов, использованных в строках Гумилева, а совпадение последних с переводом синодальным исчерпывается одним местом: *тихий / тишина*. Можно ли в принципе доказать, что фрагмент текста В восходит к фрагменту текста А, если они лишены лексических соответствий? Можно — если обнаружится текст Б, обнаруженный в промежутке между текстами А и В и обладающий лексическими соответствиями с обоими.

Таких промежуточных текстов несколько. Первый — «Искание Бога» Федора Глинки (1826):

*И дух велик и крепок разоря горы и сокрушая камень
в горе пред Господем, (но) не в душе Господь; и по душе трус,
и не в трусе Господь; и по трусе огонь, и не во огни Господь;
и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь.*

(Книга 3 Царств)

Я видел: смерклись небеса;
Земля дала глухие стоны;
Восстал дух бурь, сломил препоны,
Стопой, как жатву, смял леса;

И горы с мест, и гор обломки
Он, мощный, в дебрях разметал!
Воззвал я Бога гласом громким —
Но Бога в бурях не видал!

Я видел: ровные поля
То гнулись в доли, то холмились,
И волновалась земля,
И камни градом с гор катились,
И грозно небеса дымились...
И, трепетный, звал Бога я —
Но в бурных мятежах земных
Не зрел следов Его святых!

Свидетель новых я чудес:
От молний рдеет свод небес,
И пышут огненные токи,
И на лице полей широких
Все стало пылом, все огнем —
Но Бога я не видел в нем!

И вслед за бурей — тишина;
Душа предчувствием полна;
Как молодой зари мерцанье,
В дыму серебряном горит
Святое алое сиянье.
На тайный зов душа летит
И дышит жизнью неземною...
Все стало сладкой тишиною,
И я вдали, как в дивном сне,
Услышал Бога — в тишине!

С гумилевским текстом в стихотворении Глинки совпадают слова *Бог*, *тишина* и *буря* и слова, родственные *смятенью*, а именно *смял*, *разметал* и *мятежи*. Контаминация двустигий из последней строфы:

И вслед за бурей — тишина;
Душа предчувствием полна;
И я вдали, как в дивном сне,
Услышал Бога — в тишине!

вошла в Михельсоново собрание крылатых слов (издавалось под разными заглавиями с начала 1890-х) как пример к статье «Услышать Бога (*иноск.*) — признать присутствие Его».

Второй возможный текст-посредник — стихотворение Владимира Соловьева «В стране морозных выюг, среди седых туманов...» (1882):

... Как древле вышний Бог избраннику еврею
Открыться обещал,
И Бога своего, молитвой пламенея,
Пророк в пустыне ждал.

Вот грохот под землей и гул прошел далёко,
И меркнет солнца свет,
И дрогнула земля, и страх объял пророка,
Но в страхе Бога нет.

И следом шумный вихрь и бурное дыханье,
И рокот в вышине,
И с ним великий огонь, как молнии сверканье, —
Но Бога нет в огне.

И смолкло всё, укрощено смятенье,
Пророк недаром ждал:
Вот веет тонкий хлад, и в тайном дуновенье
Он Бога угадал.

Этот текст открывает все прижизненные издания соловьевских «Стихотворений». Предпоследняя строка известна и в других редакциях: в первопубликации (1882) — «И в тихом трепете и в кротком дуновенье», в первом издании «Стихотворений» (1891) — «И в тихом веянье и в кротком дуновенье». Во втором издании (1895) автор снабдил эту строку примечанием: «„Дух хлада тонка“ — выражение славянской Библии», в третьем (1900) — заменил «дух» на «глас»³. К тому же сюже-

³ Влиянием Соловьева, вероятно, объясняется пристрастие младосимволистов к этому библеизму; см., напр.: «И к призраку подьемлю трижды дла-

ту Соловьев отсылает в предисловии 1884 г. к «Национальному вопросу в России»: оно завершается словами «не в буре и пламени Бог, а в веянии духа тонка»⁴.

С гумилевским текстом в стихотворении Соловьева совпадают слова *Бог, бурное, смятенье*, в ранних редакциях также *тихое*, а в цитате из предисловия — *Бог и буря*.

Следующий возможный текст-посредник — стихотворение Мережковского «Тишина» (1892):

... Ибо лазурь
Вечно — безмолвная,
Недостижимая,
Так же, как истина, полная,
Выше всех бурь.

Бог — не в словах, не в молитвах,
Не в смертоносном огне,
Не в разрушенье и битвах,
Бог — в тишине. ...

ни, / И, трижды, он, / Как тонкий хлад, бежит моих желаний» (Вяч. Иванов, «Время», 1902); «Через все это простая жизнь примиряется с желанной жизнью как будто в каком-то „голосе тонкого холода“» (Блок, письмо к жене от 17.12.1902; связь со стихотворением Соловьева отмечена В. Н. Орловым в: Лит. наследство. М., 1978. Т. 89. С. 85); «Мы помним женственный лик этого Утешителя в страшном видении пророка Илии и на раскольниковых иконах. Это — „глас хлада тонка“, женственно-нежный образ Духа Святого ...» (Блок, рецензия на «Религию будущего» Минского, 1905; связь со стихотворением Соловьева отмечена Д. М. Магомедовой в: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2003. Т. 7. С. 395); «И к вздрагиваньям медленного хлада / Устающую ты душу приучи» (Блок, «Всё на земле умрет — и мать, и младость...», 1909); «... музыкальный ритм — „глас хлада тонка“ — спустил облака поэтических мифов ...» (Белый, «Будущее искусство», 1910); «И там, не только в синодальной церкви, бога уже нет. — „Глас хлада тонка“» (Блок, дневниковая запись от 19.03.1912; связь со стихотворением Соловьева отмечена В. Н. Орловым в: Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т., М.; Л., 1963. Т. 7. С. 484); «Рисует гармонию сферы нам Гете <...> Гармония эта есть „глас хлада тонка“» (Белый, «Вячеслав Иванов», 1916).

⁴ Связь со стихотворением «В стране морозных выюг...» отмечена Н. В. Котрелевым в: Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Лит. критика. М., 1990. С. 498; Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 675.

Слова «Бог не в бурях, а в тишине» звучат в романе Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895)⁵, а в романе «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1900) цитируется синодальный перевод сюжета о богоявлении и главный герой противопоставляется своему сопернику как тишина буре:

— Мессере, — молвила она [мона Лиза], — помните то место в Священном Писании, где Бог говорит Илии пророку, бежавшему от нечестивого царя Ахава в пустыню, на гору Сорив: «выйди и стань на горе пред лицом Господним. И вот Господь пройдет, и большой, и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы — пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра — землетрясение; но не в землетрясении Господь; после землетрясения — огонь; но не в огне Господь. После огня — веяние тихого ветра, — и там Господь». Может быть, мессер Буонарроти силен, как ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом. Но нет у него тишины, в которой Господь. И он это знает и ненавидит вас за то, что вы сильнее его — как тишина сильнее бури.

То же противопоставление, но с участием другого соперника, встречается в новелле Мережковского «Микеланджело» (1902):

Я знаю, что Микеланджело сильнее Рафаэля, но вспомните, мессере, слово Священного Писания: Бог не в бурях, а в тишине.

С гумилевским текстом в текстах Мережковского совпадают слова *Бог*, *буря* и *тишина*.

Можно допустить, что ни стихотворение Глинки в целом, ни цитата из него, ставшая крылатым словом, никогда не попадались Гумилеву на глаза. Но вряд ли ему остались неиз-

⁵ Связь со стихотворением «Тишина» отмечена К. А. Кумпан в: Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 62, 859.

вестны цитированные сочинения Соловьева и Мережковского⁶.

Почему библеизм в «Одиссее у Лаэрта» остался и остается незамеченным исследователями? Вероятно, потому что *Бог* заменен на *богов* и тут же упомянуты хариты, Паллада, Зевс и Эреб — имена, нелегкая задача прокомментировать которые поглощает все внимание исследователей.

*Сокращенный перевод с немецкого
Михаила Безродного*

⁶ О популярности этого сюжета у русских модернистов свидетельствует также цитирование его героиней пьесы Блока: «В Писании сказано: пророк увидал Господа не в огне и не в буре, но в гласе хлада тонка» («Песня Судьбы», 1909) и отсылка к нему в стихотворении Брюсова: «Как пророк, я в грозе, я в огне / Бога ждал, — он предстал в тишине» («Не как молния, смерти стрела...», 1914). Приведем также несколько примеров использования в поэзии начала 20 в. мотива богоявления в тишине, но без противопоставления последней катаклизмам: «Так страшно слышать в тишине / Шаги неведомого бога» (Гумилев, «Воспомянь», 1909); «Такая тишина была, / Что в ней был слышен голос Бога» (Бунин, «Как дым пожара, туча шла...», 1912); «В тишине голубой и глубокой / С дивной ратью своей многокрылой / Бог идет сквозь ночные леса» (Блок, «Тишина в лесу», 1912).